

Некрасов Николай Алексеевич

Мертвое озеро

Том 1. Части 1-5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Алексеевич Н.**
Мертвое озеро: Том 1. Части 1-5 / Некрасов Николай Алексеевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 258 с.

ISBN 978-5-519-98902-2

ISBN 978-5-519-98902-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

чикъ съ темными лентами прикрывалъ водосы женщины, черные съ просѣдью.

У окна, затапутого серпянкой, сидѣли — дѣвушка и старичокъ, лицомъ другъ къ другу. Противоположность лѣтъ рѣзко выказывала молодость, полную жизни, и кроткую старость. Несмотря на совершенно дѣтскій туалетъ дѣвушки, ей смѣло можно было дать лѣтъ шестнадцать. Ситцевое, полинялое, свѣтленькое платье съ короткими рукавами, которые выказывали полненькія и красивыя руки, и бѣленькая дѣтская перелипка не могли скрыть пышныхъ плечъ. Дѣвушка была причесана *à la chinoise*. Ея слегка волнистые волосы приподняты были кверху, открывая красивый лобъ и виски. Коса ея, очень густая, низко спускалась на затылокъ, на которомъ висѣли отъ природы маленькія пукли. Головка такъ граціозно была поставлена на ея прекрасныхъ плечахъ, что невольно обращала на себя вниманіе. Черты лица были небольшія, исключая глазъ — ясныхъ и смѣлыхъ; а въ очертаніи красивыхъ губъ, несмотря на дѣтское еще выраженіе всего лица, выражалось уже столько энергии, что вы невольно догадывались о силѣ характера. Гармонія господствовала во всей фигурѣ дѣвушки, начиная съ огненныхъ ея глазъ до красивыхъ пальцевъ, которыми она работала бисеромъ на бумагѣ, — занятіе, придуманное для потерп зрѣнія.

Старичокъ былъ очень маленькаго роста: онъ почти весь могъ бы устѣться въ вольтеровскихъ полинялыхъ креслахъ. Лицо его было кротко, черты мелкія, но, несмотря на дряхлость, сохранившія еще форму. Изъ подъ бѣлаго вязаного колпака, которымъ была покрыта его голова, падали рѣдкіе, длинные сѣдые волосы и ложились на воротникъ ситцеваго халата. Огромныя очки почти закрывали все его маленькое лицо. На кофѣняхъ у него лежала книга, а на окнѣ подлѣ него — табакерка и розовый клѣтчатый платокъ.

Тишина была томительная кругомъ въ домѣ; одна только мѣрно тяжелая поступь, то заглушаемая боемъ маятника, то вторившая ему, монотонно раздавалась по залѣ. Внимательный глазъ, однакомъ, замѣтилъ бы маленькую комедію; которая безмолвно разыгрывалась среди всеобщей тишины. Лишь только высокая женщина поворачивалась спиною къ окнамъ, какъ дѣвушка отнимала голову отъ работы и заглядывала за ширмы, стоявшія у окна. Старикъ дѣлалъ тоже. Они улыбались, глядя

въ окно; по временамъ дѣвушка едва сдерживала смѣхъ. Но какъ только высокая женщина доходила до двери противъ оконъ и поворачивалась, дѣвушка и старикъ пугливо обращались къ своимъ занятіямъ; лица ихъ быстро принимали серьезное выраженіе.

Вниманіе старичка и дѣвушки привлекалъ стоявшій у оконъ въ саду высокій мальчикъ.... впрочемъ, мальчикомъ его можно было назвать только по костюму, да еще по гримасамъ и прыжкамъ, какіе онъ теперь выдѣлывалъ. Широкія его плечи заключены были въ узенькую, синюю сукошную курточку, рукава которой едва доставали до кисти его мускулистыхъ рукъ. На отложенный воротничекъ рубашки падали свѣтло-бѣлокурые длинные волосы. Ростомъ онъ былъ довольно высокъ и вообще имѣлъ видъ недоросля. Щоки его горѣли яркимъ румянцемъ, потъ катился градомъ съ его открытаго лба; но онъ ничего не замѣчалъ и усердно гримасничалъ и ломался. Однакожь, проказамъ его, которые такъ занимали старика и дѣвушку, суждено было скоро кончиться.

Высокая женщина случайно, не дойдя до двери, повернула голову и застала врасплохъ старичка и дѣвушку. Какъ бы почувствовать устремленные на нихъ зоркіе глаза, они оба вздрогнули и сложили головы одинъ къ книгѣ, другая — къ работѣ. Язвительно улыбувшись, высокая женщина, молча, вышла изъ залы въ боковую дверь. Дѣвушка выразительно переглянулась со старичкомъ и робко прислушивалась къ стуку двери въ сосѣдней комнатѣ, которая выходила на террасу. Черезъ минуту возвратилась въ залу высокая женщина; запыхавшись, тащила она за собою проказника, пойманнаго врасплохъ въ саду, — онъ неохотно шелъ за ней, упирался всѣмъ тѣломъ. Совсею силою своего высокаго роста и могучихъ плечъ, она посадила мальчика на стулъ у флигеля и грозно сказала:

— Я жду, жду его, думаю еще въ классѣ, а онъ изволитъ гримасничать, какъ фигляръ какой нибудь.

И, съ презрительной миной обратясь къ старичку, который какъ школьникъ уткнулся въ книгу, она прибавила:

— А какъ вамъ-то не стыдно?

За тѣмъ, быстро отвернувъ голову, подошла къ дѣвушкѣ, низко склонившей голову надъ работой, съ готовностью принять грозу, уже тяготѣющую надъ ней.

— А вы, сударыня! воскликнула высокая женщина, дурно скрывая свой гнѣвъ и, однако, стараясь придать своему голосу болѣе ровности: — вспомнили бы, что ѣдите чужой хлѣбъ, носите чужое платье! хоть бы изъ деликатности, коли въ васъ нѣтъ благодарности, слушались вашихъ благодѣтелей. Не зѣвали бы по окнамъ, а работали бы.

Изливая такимъ образомъ свой гнѣвъ, высокая женщина все ближе и ближе подходила къ дѣвушкѣ. Сдерживая ускоренное дыханіе, бѣдная дѣвушка сжала свои губы, на которыхъ какъ бы блуждала улыбка; щоки ея горѣли, а дрожащей рукой она ловила бисеринку, которая упорно увертывалась отъ нея.

Голосъ высокой женщины все возвышался, лицо пылало гнѣвомъ. Она продолжала:

— Я васъ проучу, сударыня, я заставлю васъ не улыбаться, а плакать, когда вамъ говорятъ дѣло. Взятая изъ мѣдос....

Но тутъ она была прервана сильнымъ стукомъ крышки флигеля и дикимъ крикомъ: то кричалъ молодой человѣкъ, кусая свою руку и подпрыгивая.

Высокая женщина кинулась къ нему; въ минуту гнѣвъ исчезъ съ ея лица, смѣненный испугомъ. Она озабоченно смотрѣла на мальчика, повторяя:

— Все твои шалости!

И она хотѣла было дотронуться до его руки; но онъ дико вскрикнулъ: «ай, больно!», и уклонился.

— Воды холодной и уксусу, скорѣе, скорѣе! отрывисто проговорила высокая женщина, подавая связку ключей дѣвушкѣ, подбѣжавшей къ ней.

Вода и уксусъ были принесены, и ушибенная рука молодого человѣка обвязана. Черезъ пять минутъ онъ сидѣлъ у круглаго стола за книгой, а высокая женщина—противъ него, съ аршинными спицами, которыми она вязала шерстяной шарфъ. Въ комнатѣ воцарилась тишина, нарушенная, впрочемъ, очень скоро сильнымъ ударомъ, которымъ наградила себя въ лобъ мальчикъ, преслѣдуя докучливую муху. Неожиданная его выходка разсмѣшила дѣвушку; но смѣхъ ея былъ пріостановленъ грознымъ взглядомъ высокой женщины и повелительнымъ восклицаніемъ:

— Читай вслухъ!

Молодой человек повиновался. Но он читал то басом и необыкновенно скоро, то пицалъ, коверкая немецкія слова (он читалъ по-немецки) такъ уморительно, что кромѣ высокой женщины всѣ едва удерживались отъ смѣху. Потерявъ терпѣіе, она вырвала у него книгу и, отбросивъ ее, сказала грозно:

— Погоди, голубчикъ, перестанешь ты у меня тѣшить лѣнивицу, дай пріѣхать ему!

Казалось, эта угроза подѣйствовала на шалуна: онъ оперся на столъ руками, затынутыми въ узкіе и короткіе рукава курточки, положилъ на нихъ голову и сталъ смиренно глядѣть за бѣгающими по столу мухами. Всѣ углубились въ свои занятія; дѣвушка случайно подняла голову и встрѣтилась глазами съ молодымъ человекомъ: на лицахъ у обоихъ какъ молнія мелькнулъ смѣхъ; она подавила его кашлемъ, а онъ разразился истерическимъ взрывомъ хохота.

Высокая женщина и старикъ вздрогнули; отбросивъ свое вязанье и сложивъ руки, первая съ недоумѣніемъ глядѣла на смѣющагося юношу, который зажималъ ротъ больною рукой.

— Чему ты смѣешься? запальчиво спросила она.

Онъ, вспрыгивая, забарабанилъ по столу обвязанной рукой.

— А, а, а! у васъ, кажется, вся боль прошла отъ смѣху? сказала язвительно высокая женщина и, освидѣтельствовавъ его руку, съ сердцемъ толкнула шалуна къ флигелю, проворчавъ:

— Смѣть обманывать!

Но онъ не унимался: сидя за флигелемъ, онъ поминутно сморкался и принужденно кашлялъ, поглядывая искоса на дѣвушку.

— Вы, кажется, сегодня рѣшились меня бѣсить; но вамъ не удастся — вонъ отсюда!! сказала повелительно высокая женщина.

Въ голосѣ ея было столько силы и твердости, что юноша потупилъ глаза, но, однакожь, не двигался съ мѣста.

— Я тебѣ говорю! съ нетерпѣніемъ прибавила она.

— Я виноватъ, больше не буду! покорнымъ голосомъ отвѣчалъ онъ и взялъ аккордъ.

— Не хочу слушать вашихъ извиненій! проговорила болѣе кроткимъ голосомъ высокая женщина и, повернувшись спиною къ флигелю, стала вязать.

Молодой человекъ игралъ съ большимъ одушевленіемъ; въ его игрѣ видно было также много механическаго труда. Онъ разыгрывалъ одну изъ сонатъ Бетховена. Трудно было повѣрить, что это былъ тотъ самый шалунъ, который за минуту велъ себя такъ дѣтски. Нѣжныя черты его лица приняли задумчивое и печальное выраженіе. Голубые глаза быстро перебѣгали отъ нотъ къ клавишамъ. Брови его слегка сдвинулись, и вся его фигура возмужала и дышала энергіей. Часа два онъ безъ-умолку игралъ. Высокая женщина, оставивъ свое вязанье, неподвижно его слушала. Дѣвушка повременамъ поглядывала на играющаго и на слушающихъ его, и улыбка блуждала на ея веселомъ лицѣ. Старичокъ сладко спалъ въ своихъ креслахъ. Замѣтивъ, что играющему жарко, высокая женщина глазами приказала дѣвущкѣ открыть окно, у котораго она сидѣла.

Пробило съ громомъ семь часовъ. Высокая женщина сочла ихъ и ласково произнесла:

— Довольно, Петруша!

Но играющій не обращалъ вниманія на ея слова: онъ продолжалъ играть; зато старичокъ при голосѣ высокой женщины пугливо проснулся и вопросительно глядѣлъ на нее. Она повелительно сказала, обращаясь къ дѣвущкѣ:

— Прикажите давать чай!

Играющій остановился, вставъ изъ за флигеля, подошелъ къ высокой женщинѣ и поцаловалъ ее въ плечо. Вся суровость и холодность исчезли съ ея лица. Она съ любовью расправила взмокшіе волосы, прильнувшіе къ пылающему лбу Петруши.

— Тетенька, сказалъ онъ: — мы будемъ пить чай на террасѣ? здѣсь такъ душно!

— Да, ты весь въ испаринѣ.

И тетка вытерла ему лобъ своимъ платкомъ.

— Ничего! посмотрите, какъ тихо въ саду! подходя къ раскрытому окну, сказалъ Петруша, и вдругъ его лицо приняло прежнее дѣтское выраженіе; онъ выбѣжалъ изъ залы, говоря:

— Я, тетенька, веду готовить чай на террасѣ!

Тетка не успѣла кивнуть головой, въ знакъ согласія, какъ Петруша уже былъ въ саду и неимоверными прыжками пустился бѣжать по аллеѣ, ведущей къ мостику. За нѣсколько ша-

говъ онъ былъ остановленъ крикомъ: «стой!», и дѣвушка, смѣясь, выскочила изъ за куста.

Они схватились за руки, стали ровно въ линію и, переглянувшись, ударили три раза въ ладоши, протяжно произнося: «разъ.... два.... три!» За тѣмъ, съ веселымъ крикомъ пустились они бѣжать чрезъ мостикъ въ ту часть сада, которую правильно назвать дѣсомъ. Они бѣжали, не переводя духу, поддразнивая другъ друга; наконецъ дѣвушка, обнявъ руками небольшую тонкую березку, радостно закричала:

— Я первая, я первая!

— Я второй, я второй! обнимая деревцо, смѣясь и подражая голосу дѣвушки, кричалъ Петруша.

— Ахъ! потише, Петруша! сказала дѣвушка и стала оправлять свою слегка помявшуюся перелинку.

Петруша насмѣшливо глядѣлъ на нее.

— Да вамъ, кажется, нравится, продолжала она: — когда ваша тетенька бранить меня, что я скоро пачкаю перелинки!

— А хорошо я ее надулъ? съ гордостью спросилъ Петруша, и, скача съ ноги на ногу, онъ жалобно пищалъ: «о! больно, больно!»

И оба расхохотались.

— Однако, пойдемъ домой: можетъ, ужъ насъ ищутъ! пу- гливо сказала дѣвушка.

И, перейдя мостикъ, они пошли къ дому разными дорожками.

На террасѣ, у стола, за самоваромъ, уже сидѣла высокая женщина, когда дѣвушка подходила къ дому. Петруша первый подошелъ къ столу и сѣлъ подлѣ сухой фигуры, съ длиннымъ неподвижнымъ лицомъ, жолтыми жидкими волосами и сѣрыми злыми глазами, быстро бѣгавшими. Этотъ человекъ былъ такъ тощъ, какъ будто его готовили для гербаріума. Длинная его шея какъ пучокъ проволоки затянута была въ бѣлую пожелтѣвшую косынку, подъ цвѣтъ его лицу. Старинный синій фракъ съ мѣдными пуговицами былъ ему видимо широкъ: зато панковые сиреневыя узенькіе панталоны обрисовывали не только его высохшія ноги, но и голенищи его топорныхъ сапоговъ. Канареечнаго цвѣта жилетъ дополнялъ его нарядъ. То былъ учитель Петруши. Чахоточная, маленькая, сѣроватаго цвѣта женщина

сидѣла возлѣ него, робко глядя на всѣхъ. Что-то жалкое и стра-
дальческое было въ ея фигурѣ. То была подруга его жизни.

Во время чаю, кромѣ Петруши да его тетеньки, никто не
говорилъ. По окончаніи чаю, учитель отвѣсилъ поклонъ и уда-
лился; за нимъ послѣдовала его жена, сдѣлавъ неловкій реве-
рансъ хозяйкѣ. Старичокъ медленно прохаживался по саду съ
Петрушей и дѣвушкой, а высокая женщина, сидя на террасѣ,
разсуждала съ ключницей.

ГЛАВА II.

УЧИТЕЛЬ.

Высокая женщина была полная хозяйка въ домѣ своего
единственнаго брата, который былъ въ отсутствіи въ эту ми-
нуту. Онъ не былъ вообще домохозяиномъ; зато сестра во всю
жизнь не болѣе двухъ разъ выѣзжала изъ деревни, въ ближай-
шій городъ, нто на короткое время. Воспитанная строгой мачи-
хой, которая славилась по всей губерніи своимъ искусствомъ
хозяйничать и примѣрной экономіей, Настасья Андреевна (такъ
звали высокую женщину) въ четырнадцать лѣтъ окончила свое
образованіе. Она не умѣла читать и писать правильно, зато
обладала обширными познаніями въ хозяйствѣ. Она знала всѣ
тайны и уловки скотницъ и поваровъ, разныя соленья, варенья,
дѣланіе цукатовъ и уксусу.... впрочемъ, трудно перечестъ что
знала она по хозяйственной части.... считала отлично, даже на
счетахъ. Въ лучшую свою пору она была бы недурна собой;
но отсутствіе моціона быстро развивало въ ней полноту, кото-
рая не шла ни къ лѣтамъ дѣвушки, ни къ сложенію, и безъ
того плотному; да и характеръ у нея былъ довольно тяжелый.
Для нея не существовали удовольствія молодой дѣвушки. Она
не любила даже быть съ равными по лѣтамъ и очень скучала
рѣдкими своими выѣздами. Она была самолюбива, и ее оскор-
бляло незавидное положеніе въ обществѣ. Не умѣя вести разго-
вора съ мужчинами, которые изрѣдка къ нимъ пріѣзжали, дур-
но танцуя, не имѣя, по скупости мачихи, наряднаго туалета,
она сдѣлалась равнодушна къ удовольствіямъ своихъ лѣтъ пре-
жде, чѣмъ испытала ихъ, и не только полюбила свою незавид-

ную жизнь, но даже не постигала другой жизни въ кладовыхъ и хозяйственныхъ работъ, которыми занимали ее съ утра до ночи.

Выше всего ставя экономію и умѣнье хозяйничать, мачиха была совершенно довольна апатичнымъ характеромъ Настасьи Андреевны, но считала все-таки нелишнимъ ежедневно читать ей наставленія касательно бережливости и т. п. Старуха видѣла въ падчерицѣ залоги хорошей хозяйки и внутренно радовалась имъ, но ворчала, по привычкѣ, «что она своей щедростію сдѣлаетъ ее нищей.»

Мать Настасьи Андреевны умерла при самомъ рожденіи дочери. Отецъ женился во второй разъ и черезъ годъ тоже умеръ, оставивъ вторую жену полной распорядительницей имѣнія, до совершеннолѣтія дѣтей. Все въ домѣ измѣнилось, и скупой характеръ мачихи не замедлилъ проявиться.

Оставшись вдовой—опекуницей двухъ малолѣтнихъ дѣтей, она съ помощью бережливости привела разстроенное ихъ имѣніе въ цвѣтущее состояніе, но зато страшно высохла душой. Никакія чувства въ хозяйственного интереса не существовали для нея, и она ревновала свою падчерицу, какъ страстно любящая женщина, ко всему, кромѣ хозяйства. Дѣвушкѣ строго воспрещены были чтеніе и музыка, къ которой она оказывала большое расположеніе—единственная склонность, какую въ ней замѣчали. Но старуха видѣла въ музыкѣ явный подрывъ своему благосостоянію, и только въ рѣдкіе свободные часы дозволялось Настасѣ Андреевнѣ садиться за избитыя пяти-октавные клавикорды. Безжизненное, холодное лицо Настасьи Андреевны одушевлялось, небольшіе глаза ярко горѣли, если ей случалось по слуху разыграть какой нибудь вальсъ или романсъ.

Братъ Настасьи Андреевны былъ старше сестры только годомъ; но молчаливый, серьезный характеръ дѣлалъ его старымъ не по годамъ. Онъ также весь преданъ былъ хозяйственнымъ дѣламъ—ходилъ въ молотильню, на мельницу, по конюшнямъ, и могъ замѣнить искуснаго управляющаго, по своей распорядительности и строгости. Между братомъ и сестрой не существовало дружбы, даже подобія этого чувства. Впрочемъ, тому много способствовало ихъ воспитаніе. Едва Настасья Андреевна начала помнить себя, какъ ей приказано было брату своему говорить «вы» и слушаться его во всемъ. Играть имъ не позволя-

лось ни вмѣстѣ, ни порознь. Все развлеченіе ихъ состояло въ соревнованіи — кто скорѣе и вѣрнѣе вычислитъ, или сложитъ ту или другую арифметическую задачу. Къ тому же зависть, такъ свойственная въ дѣтяхъ къ похваламъ родныхъ, много охлаждала ихъ. И надо сознаться, что старуха съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣла поджигать рвеніе ихъ къ хозяйству. Съ тонкимъ расчетомъ хвалила она то одного, то другую гостей своимъ, высчитывая ихъ экономическіе подвиги.

Однако, какъ ни откладывалось воспитаніе сына, но наконецъ мачиха увидѣла, что оно необходимо. Она стала принскивать гувернёра. Судьба, казалось, заботилась о скупой старухѣ. За самую незначительную сумму взялся приготовить мальчика молодой и очень образованный иностранецъ. Вотъ какъ было дѣло. Богатый сосѣдъ, возвратясь изъ за границы, привезъ съ собою молодого человека родомъ изъ Германіи. Помѣщику нравились восторженность его характера, его громадныя надежды на будущее, которыми онъ жилъ, не заботясь о настоящемъ. Познакомясь съ нимъ за границей, богатый баринъ привезъ его въ деревню больше для компаніи, чѣмъ для управленія своимъ оркестромъ. Но идеалистъ по натурѣ, нѣмецъ ничего не видѣлъ: онъ думалъ, что страсть къ музыкѣ скрѣпила ихъ узы, и только глубокій сонъ, въ который погружался иногда его меценатъ среди концерта, смущалъ мечтателя. Дирижируя деревенскимъ оркестромъ, онъ воображалъ, что занимаетъ столько же важный постъ, какъ шефъ какого нибудь европейскаго оркестра, и, сядя за фортепьяно играть передъ дремлющимъ своимъ меценатомъ, дрожалъ и мѣнялся въ лицѣ, будто тысячи дилетантовъ собрались слушать его. Нѣмецъ имѣлъ несчастную слабость, свойственную многимъ — придавать излишнюю важность тому, чѣмъ занимался. Самолюбіе было причиною тому, а можетъ быть и страсть къ искусству. Нѣкоторыя странности и неровности въ характерѣ мецената съ избыткомъ выкупались привольною жизнью. Нѣмецъ прожилъ такъ съ полгода, какъ вдругъ совершенно неожиданно покровитель его упалъ со стула и покончилъ дни свои. Ударъ былъ двойной. Нѣмецъ очутился безъ гроша денегъ и въ чужой землѣ. Раздѣливъ инструменты по равной части, наслѣдники не обратили вниманія на несчастнаго распорядителя ихъ, который принужденъ былъ пріютиться изъ милости у стараго управляющаго. Чужой хлѣбъ

горецъ , и какъ только открылось первое мѣсто , нѣмецъ съ радостью взялъ его. Нужда заставила его избрать другой путь : вмѣсто композитора и капельмейстера онъ сдѣлался гувернёромъ у скупой и сварливой старухи. Но , поступивъ къ ней въ качествѣ учителя , онъ не могъ отказаться отъ своихъ мечтаній. Замѣтивъ расположеніе къ музыкѣ въ Настасьѣ Андреевнѣ , учитель сталъ заниматься съ ней. Расчетъ побѣдилъ въ старухѣ нелюбовь къ музыкѣ , и она очень обрадовалась , что даромъ обойдется музыкальное образованіе падчерицы. Тамъ , гдѣ другой увидѣлъ бы только способность къ музыкѣ , восторженный нѣмецъ провидѣлъ нѣчто необыкновенное. Ему вообразилось , что судьба призвала его къ завидному подвигу — образовать будущую знаменитость. Невеселая его жизнь у старухи приняла характеръ полный интереса , и когда приходила ему мысль перемѣнить мѣсто , совѣсть останавливала его : онъ боялся погубить талантъ , который , дѣйствительно , былъ въ Настасьѣ Андреевнѣ.

Избитыя пяти-октавные клавикорды терзали учителя : онъ потребовалъ другія , угрожая въ противномъ случаѣ прекратить музыкальные уроки. Но скупую старуху несколько не испугала такая угроза; она даже обрадовалась , потому что Настасья Андреевна , слишкомъ ревностно занимаясь музыкой , дѣлала иногда упущенія по хозяйству. Видя , что угрозы не дѣйствуютъ , учитель сдѣлалъ старухѣ слѣдующее предложеніе : купить флигель пополамъ ; но какъ у него не было денегъ , то предоставлялось ей право вычитать изъ его жалованья; если же онъ отойдетъ , то флигель остается ей.

Нескоро рѣшилась старуха на такое выгодное предложеніе; но когда привезли флигель , она не могла налюбоваться имъ , облекла его въ сѣрый суконный чехолъ и объявила , что позволяетъ играть на немъ не болѣе одного раза въ недѣлю — по воскресеньямъ.

Нѣмецъ страшно разсердился и отвѣчалъ , что вносить всю сумму на томъ же условіи : флигель останется ей , когда онъ отойдетъ , лишь бы теперь имъ пользоваться. Страхъ потерять дешеваго учителя заставилъ старуху согласиться , и флигель былъ перенесенъ изъ залы въ классную , возлѣ комнаты учителя и его ученицы. Тутъ только началось серьезное ученье. Такъ какъ днемъ мало было времени у Настасьи Андреевны , то она запи-